

ГЛАВА 8. КРЫСИНЫЙ СТРАХ

Добравшись до деревни Чжуанлю, Цэнь Сяолу остановил повозку у самого въезда. Вместе с Чан Я они обошли нужные дома, вручив три письма-приглашения на очную диагностику. Семьи, получившие весть, не скрывали радости и наперебой зазывали гостей войти, но Чан Я вежливо отказывался, ссылаясь на ворох неотложных дел. Сяолу при этом выглядел не в своей тарелке: он редко видел, чтобы люди так искренне и радушно встречали незнакомцев, и порой просто не знал, куда деть руки.

Покинув Чжуанлю, они по наводке Чан Я направились в соседнюю деревню Хэси. Там нужно было заглянуть лишь в один дом, и, покончив с этим, лекари погнало лошадей обратно в городок Сяшуй.

Вернувшись в городок, первым делом заехали к задним воротам клиники рода Тань, чтобы вернуть экипаж. Чан Я не стал беспокоить Божественного лекаря — тайком сунул несколько медных монет подмастерью, велел передать их Вэй Туну в качестве платы за наем. Оставив наказ, юноши незаметно скрылись.

Время близилось к полудню. Чан Я привел Сяолу в лапшичную, где заказал по большой миске. Пока ждали еду, сидели друг напротив друга, переглядываясь в неловком молчании. Первым тишину нарушил Сяолу.

— Завтра придет первый проситель?

Чан Я, перебирая палочки в подставке, ответил:

— Угу. Та семья по фамилии У из Чжуанлю.

— Понятно, — отозвался Сяолу.

—... — Чан Я лишь промолчал в ответ.

К счастью, лапшу подали быстро, не дав тягучему безмолвию затянуться.

— Прошу, господа, ваш заказ, — слуга ловко расставил чаши на столе.

Стоило приняться за еду, как язык сам собой развязался. Чан Я уплетал лапшу, склонившись над миской, а вот Сяолу ел куда степеннее: подцеплял палочками ровно столько, сколько нужно, тщательно пережевывал и лишь потом тянулся за новой порцией — во всем его облике сквозила выправка благородного молодого господина. Чан Я, случайно подняв глаза и заметив это, вдруг почувствовал, что лапша во рту стала какой-то безвкусной. Он невольно замедлился, стараясь не выглядеть слишком уж по-деревенски.

Покончив с обедом, они отправились развозить оставшиеся письма в поместья Цао и Шуй. В усадьбе Шуй, за высокими воротами и крепкой оградой, их встретил управляющий. Будучи человеком обходительным и речистым, он рассыпался в любезностях и уговорил «молодого господина Чана» и «молодого господина Цэня» зайти внутрь, чтобы передохнуть и выпить чаю.

Пробыв в поместье Шуй некоторое время, юноши наконец собрались в обратный путь. На прощание управляющий даже распорядился подготовить повозку, которая доставила их напрямиком к «Крючковой луне».

Ночью, готовясь к завтрашнему визиту, Чан Я и Сяолу расставили по углам комнаты несколько крысоловок. Закончив, Чан Я направился к себе. Сяолу молча следовал за ним. Их комнаты находились по соседству, так что юноша не придавал этому значения, пока не обнаружил, что Сяолу переступил порог его спальни вместе с ним.

— Ты комнатой ошибся? — Чан Я преградил ему путь.

— Я пришел втереть тебе целебную мазь, — пояснил Сяолу. — В некоторые места на теле тебе самому вряд ли удобно тянуться.

—...

— Не нужно... Я и сам справлюсь.

Сяолу на мгновение опустил голову, помолчал, а затем отступил за дверь.

— Тогда не буду мешать.

С этими словами он развернулся и ушел к себе.

— Ты... — Чан Я так и остался стоять посреди комнаты.

«Что за человек? — пронеслось в голове. — Ушел и даже не настоял. А вдруг я бы согласился?»

Ссадины на ладонях и лице обработать было легко, но когда юноша улегся на кровать, пытаясь дотянуться до спины, дело застопорилось. Мазь-то он нанес, а вот растереть как следует не получалось. В конце концов рука затекла, и Чан Я, окончательно рассердившись, бросил это безнадежное занятие, кое-как смазал остальные синяки и забылся сном.

В час Крысы, когда Чан Я уже крепко спал, дверь тихо скрипнула. Вошел Цэнь Сяолу. Ступая

бесшумно, он приблизился к кровати и сразу заметил на прикроватном столике открытый флакон с лекарством.

Юноша лежал на животе. Сяолу осторожно откинул одеяло до самой поясницы. Нижняя рубаха на худощавом теле Чан Я сидела мешковато, и, глядя на мазь, Сяолу сразу понял — всё вышло именно так, как он и предполагал.

Он аккуратно приспустил одежду, обнажая спину. Поясница и бока были покрыты густыми кровоподтеками. Ниже Сяолу заходить не решился, но синяки прерывистой цепью уходили под пояс штанов — было ясно, что и там кожа сильно пострадала.

Сяолу отвел взгляд, налил мазь в ладони и, растерев их до жара, приложил к спине Чан Я. Он методично прошелся по всем видимым ушибам. Ушло около половины стражи, пока он не закончил, снова не одел юношу и не укрыл его одеялом. За всё это время Чан Я так и не проснулся, лишь тихонько посапывал и довольно мычал, когда чужие руки разминали наболевшие мышцы.

Поставив флакон на место и бросив последний взгляд на спящего, Сяолу покинул комнату.

На следующее утро лекарь Чан Фулянь готовился в задней комнате, отведенной под смотровую. Сяолу, по обыкновению закончив утреннее обучение в комнате Чан Я, отправился помогать учителю, а сам Чан Я остался в переднем дворе дожидаться гостя.

Вскоре у ворот послышался шум. Чан Я поспешил открыть. На пороге стоял мужчина лет сорока с небольшим. Крепко сбитый, невысокого роста, с обветренной, темной кожей и сетью морщин на лице. В его взгляде проскальзывала житейская хитринка, а ладони были широкими и грубыми. На нем был надет новый халат, который сидел на нем крайне непривычно, из-за чего мужчина явно чувствовал себя скованно.

Чан Я молча окинул его взглядом.

— Вы пришли. Дедушка уже ждет в смотровой, — проговорил он, приглашая гостя войти.

Мужчина натянуто улыбнулся, и хитринка в его глазах сменилась робостью. Он послушно пошел следом.

— Благодарю, паренек.

В смотровой лекарь Чан Фулянь уже сидел за столом. Стул напротив предназначался для просителя, а Цэнь Сяолу устроился в стороне на низкой скамье. Усадив мужчину, Чан Я сел неподалеку от него. В комнате курился ладан — его аромат помогал успокоить дух и

сосредоточить мысли.

Под рукой у Чан Фуляня лежало Письмо с запросом на призыв духа. Все они заранее ознакомились с его содержанием: мужчину звали У Лиши, и занимался он ловлей крыс. Первопричина его беспокойства была напрямую связана с этим промыслом.

Чтобы разрядить обстановку, лекарь Чан начал с пустяков и представил своего ученика.

— Это мой новый преемник, Цэнь Сяолу, — он указал на юношу, а затем кивнул на внука. — Я-эр вечно в разъездах, это все знают, так что теперь у него будет помощник.

У Лиши подхватил разговор:

— Какой славный юноша, настоящий красавец. Повезло ему попасть под начало лекаря, призывающего дух.

— Это мне повезло, что рядом двое таких ребят, — отозвался Фулянь.

Перекинувшись парой слов о житье-бытье, старик плавно перевел беседу на ремесло У Лиши.

— Кормлюсь своим трудом, — вздохнул тот. — Ремесло, прямо скажем, не самое почетное, просто я в крысиных делах смыслю побольше других.

— Любое дело почетно, если оно не вредит людям, — возразил лекарь Чан.

У Лиши тяжело вздохнул:

— Раньше-то всё было ладно. Хватало и на хлеб, и чтобы семья ни в чем не нуждалась. Но в последнее время мне становится всё хуже, всё...

— Рассказывай не спеша, выпей чаю, — мягко прервал его Фулянь. Чан Я тут же поднес гостю пиалу. Этот чай, подарок Божественного лекаря Таня, прекрасно умиротворял разум.

— Спасибо, — У Лиши принял угощение. Когда человеку приходится признаваться в постыдных слабостях, слова даются с трудом. Хорошо хоть, что в стенах обители лекаря, призывающего дух тайна останется нерушимой.

— Я стал... бояться крыс, — признался он и погрузился в воспоминания. — Это даже не страх, а какой-то суеверный ужас. Стоит увидеть хоть одну — кожа на голове немеет, всё тело дрожит, а потом выворачивает наизнанку. Но я вынужден видеть их каждый божий день. Это мой хлеб, на это живет вся моя семья.

Ловчий, который до смерти боится своей добычи, — положение и впрямь отчаянное. Чан Фулянь сосредоточился: стоило мужчине заговорить, как волны страха и отвращения стали почти осязаемыми. Тонкий дымок ладана не только успокаивал, но и усиливал эти эманации, позволяя лекарю, призывающему дух точнее войти в резонанс с душой пациента.

Чан Я, обладавший особым чутьем, ощущал чужие эмоции куда острее. Ему не удавалось возвести барьер в море духа, и сейчас его накрыло волной тошноты. Юноша незаметно вжался в скамью, до белизны сжав пальцами край стола. Сяолу почувствовал, как участилось дыхание товарища, и увидел его побелевшие костяшки.

— Так было всегда? — спросил старый лекарь.

У Лиши сначала качнул головой, но тут же кивнул.

— Крысы мне всегда были противны, но не до такой степени. Теперь я даже поесть боюсь, прежде чем идти на заказ: всё равно всё выйдет обратно. — Он вдруг округлил глаза, и в его взгляде вспыхнул суеверный ужас: — Лекарь, призывающий дух, Чан, скажите... А что, если я их столько перебил, что они... ну, в оборотней превратились? Что, если они мне мстят?

Чан Я в этот момент чувствовал себя так, словно тонул. Воздуха не хватало, в желудке всё переворачивалось, а по спине бежал ледяной пот. Сяолу видел его состояние: бледность, испарина, дрожащие губы. И когда Чан Я был уже готов сорваться и выбежать вон, на его спину легла теплая ладонь.

Юноша вздрогнул, обернулся и встретился взглядом с Сяолу. Тот незаметно подсел ближе, заполнив ту дистанцию, которую Чан Я пытался сохранить.

Странное дело: стоило Сяолу оказаться рядом, как к Чан Я вернулось чувство опоры. Тревога отступила, а физическое недомогание притупилось, словно между ним и просителем вырос невидимый экран, отсекавший чужую боль.

Фулянь погладил бороду и невозмутимо ответил:

— Это лишь домыслы. А теперь попытайся вспомнить: случалось ли прежде что-то, что поселило в тебе этот страх? Может, какой-то случай с крысами врезался в память?

Уверенный тон лекаря подействовал на У Лиши отрезвляюще. Он перестал дрожать и задумался. Фулянь терпеливо ждал. Сяолу, убедившись, что Чан Я пришел в себя, убрал руку, но остался сидеть плечом к плечу с ним, и Чан Я больше не отодвигался.

Наконец У Лиши заговорил:

— Было одно дело в детстве. Я тогда почти всё позабыл, но тот случай до сих пор стоит перед

глазами. Жил по соседству мужик один, любил он детвору пугать. Как-то раз я возвращался с поля, уже сумерки сгущались, куры по насестам попрятались. Прохожу мимо его дома, а он как выскочит из засады! И прямо перед моим лицом машет связкой дохлых крыс — они у него на прут были нанизаны. Так близко, — он показал руками, — что едва не коснулись щеки. Черные, склизкие тушки, пасти разинуты... Железный прут проткнул их одну за другой через глотки. Глаза навывкате, резцы оскалены, а кровь... она по пруту стекала, капля за каплей, и прямо мне в матерчатую туфлю впитывалась. У меня ноги подкосились, так и сел на землю.

У Лиши передернуло, но он продолжил:

— А мужику тому весело: чем сильнее ребенок орет, тем больше он зубы скалит. Махал этой гирляндой у меня под носом и грозился — мол, если быстро не убежишь, заставлю сожрать. Я со страху на карачках пополз, вскочил и припустил так, что пятки сверкали. А он еще долго за мной гнался и всё орал вдогонку: «Ешь, ешь их!»

Чан Фулянь прервал поток тяжелых воспоминаний.

— Давай прервемся. Пусть Я-эр выведет тебя в сад, подышишь воздухом.

У Лиши, вынырнув из кошмара прошлого, выглядел вконец измотанным. Он жадно выпил чай, стараясь унять колотящееся сердце.

— Хорошо.

Сяолу бросил на Чан Я обеспокоенный взгляд. Он боялся, что наедине с просителем тому снова станет худо. Но юноша одними глазами успокоил его:

— Всё в порядке. Сейчас он не во власти тех чувств, на меня это не подействует.

Сяолу кивнул, удивленный тем, что Чан Я счел нужным объясниться.

Когда они вышли, Фулянь велел Сяолу принести вчерашние ловушки. В клетке метались и истошно пищали две жирные крысы.

Чан Я немного погулял с У Лиши по двору, отвлекая его пустячными разговорами, и, когда тот успокоился, привел его обратно. Стоило им переступить порог, как гость наткнулся взглядом на выставленную посреди комнаты крысоловку. Лиши вздрогнул всем телом, лицо его исказилось, и он, не помня себя, бросился прочь. Чан Я едва успел за ним — несчастный забился в угол у стены и зашелся в мучительных позывах. В желудке у него было пусто, и наружу выходила лишь горькая желчь. Юноша сбегал за водой и помог ему умыться.

В смотровой Сяолу уже убрал клетки. В курильнице зажгли другой фимиам, источающий аромат чистого спокойствия. Когда У Лиши снова вошел, он не смел поднять глаз. Лицо его

стало серо-желтым. Опытный ловец, доживший до седины, бежит от жалкой крысы — над такой историей в городке смеялись бы неделю. Ему было невыносимо стыдно перед лекарем, призывающим дух.

Фулянь усадил его и мягко спросил:

— Вспомни, не случилось ли чего в последние дни? Что-то, что воскресило старые страхи?

Под действием успокаивающих слов и благовоний У Лиши немного обмяк.

— Было дело... Дней десять назад. Пошел я крысиные тушки выбрасывать. Свалил их в кучу, нос зажал от вони, хотел уже уходить, да хватился — кошелек обронил. Пришлось возвращаться. — Он потер предплечья, невольно подаваясь назад. — Место то гиблое, никто туда не ходит. Подхожу, и слышу: шуршит кто-то. Гляжу — малец какой-то, тощий, костлявый, как обезьяна. Сидит на корточках в той куче и дохлых крыс перебирает. Выкладывает их рядком на грязи, принюхивается, морщится, а потом... — У Лиши сглотнул, — ...подносит к губам и облизывает одну.

Чан Я и Сяолу невольно переглянулись. Обоих передернуло от омерзения.

— У меня аж внутренности перекрутило. Малец этот как бес голодный, того и гляди грызть их начнет. Разложил их ровненько, пальцем тычет, пересчитывает. Каждую выберет и за пазуху прячет, словно сокровище какое. И тут у меня перед глазами — те крысы из детства. Глаза навывкате, зубы в крови, и тот голос в ушах: «Ешь их». Spина взмокла, в глазах потемнело, бросил я тот кошелек и бежал без оглядки. Ночью меня так выворачивало, что думал — дух испущу. Два дня потом к работе прикоснуться не мог.

Мужчина закрыл лицо руками.

— С тех пор стоит крысу увидеть — сразу та сцена перед глазами. Сил никаких нет. А ведь мне с этой дрянью каждый день возиться. Не поешь — сил не будет, поешь — всё впустую. Мы обычно вдвоем работаем, я ведь мастер, столько лет в деле... Как я могу отступить? Терплю, лезу на рожон, лишь бы не засмеяли. Но больше, видать, не сдюжу. Конец мне пришел.

Чан Фулянь сделал несколько пометок в свитке и спросил:

— Не думал сменить ремесло?

— Думал, — У Лиши понуро опустил голову. — Да только что я еще умею? Всю жизнь только этим и промышлял. Имя себе сделал, в большие дома зовут, платят щедро. Вся семья на мне держится. Не могу я бросить всё из-за такой нелепицы.

Лекарь Чан молча кивнул. Для первого раза сведений было достаточно. Теперь предстояло

разузнать кое-что через Я-эра и Сяолу, прежде чем составлять заключительный свиток с советами для исцеления души.

Проводив У Лиши, Фулянь подозвал внука и ученика, давая наставления на завтрашний день.

<http://bllate.org/book/17545/1709231>